

*Буланов Артемий Николаевич Аспирант
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Россия, г. Калуга*

СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО КАК УГРОЗА СТАБИЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПТА «МАЛЫЙ НАРОД»

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию взаимосвязи между социальным неравенством и концептом «малого народа» как факторами дестабилизации общественных систем. Анализируются механизмы, посредством которых крайняя социальная поляризация создаёт условия для формирования деструктивных элитарных групп, противопоставляющих себя основному населению. Рассматриваются труды ключевых исследователей — историков, социологов и философов, — изучавших данную проблематику как непосредственно, так и в смежных контекстах. Показано, что концепт «малого народа», введённый в научный оборот И.Р. Шафаревичем, представляет собой аналитический инструмент для описания групп, использующих социальные противоречия в целях захвата власти. Установлено, что приход подобных групп к власти не устраняет неравенства, но качественно его усугубляет. Сделан вывод о системном характере угрозы, которую представляет совокупность социального расслоения и деятельности антинародных структур для долгосрочной стабильности государства.

Ключевые слова: социальное неравенство, малый народ, социальная стабильность, социальная поляризация, элиты, социальный конфликт, революционные процессы, дестабилизация, социальная стратификация.

Abstract. The present article is devoted to an examination of the interrelationship between social inequality and the concept of the «Small people» as

factors of destabilisation within social systems. The mechanisms are analysed through which extreme social polarisation creates conditions conducive to the formation of destructive élite groups that position themselves in opposition to the broader population. The works of key researchers — historians, sociologists, and philosophers — who have studied this problematic both directly and within adjacent scholarly contexts are examined. It is demonstrated that the concept of the "small people," introduced into academic discourse by I.R. Shafarevich, constitutes an analytical instrument for describing groups that exploit social contradictions for the purpose of seizing power. It is established that the ascension of such groups to power does not eliminate inequality but, on the contrary, qualitatively exacerbates it. The conclusion is drawn regarding the systemic character of the threat posed by the conjunction of social stratification and the activities of anti-popular structures to the long-term stability of the state.

Keywords: social inequality, «Small people», social stability, social polarization, elites, social conflict, revolutionary processes, destabilization, social stratification.

Социальное неравенство - одна из наиболее устойчивых характеристик человеческих обществ. Оно фиксируется на протяжении всей известной истории. Однако степень его выраженности варьируется существенно. Именно эта вариативность определяет различие между управляемым социальным расслоением и деструктивной поляризацией.

Современные общества сталкиваются с парадоксом: экономический рост не устраняет неравенства. Напротив, по данным Oxfam за 2023 год, 1% богатейших людей планеты владеет большим состоянием, чем остальные 99% вместе взятые. Это свидетельствует о структурном, а не случайном характере проблемы.

В данном контексте особую аналитическую ценность приобретает концепт «Малого народа», разработанный в отечественной историко-

философской традиции. Речь идёт о группе, которая, находясь внутри общества, противопоставляет себя ему ценностно, культурно и политически. Взаимодействие этого феномена с социальным неравенством образует устойчивую систему угроз для государственной стабильности.

Когда социальное неравенство рассматривается как научная категория, в рамках социологической традиции оно определяется как форма дифференциации, при которой индивиды, группы и классы обладают неравными жизненными шансами. Термин «жизненные шансы» был введён Максом Вебером и обозначает совокупность возможностей доступа к материальным и символическим ресурсам.[2]

Карл Маркс, напротив, концептуализировал неравенство как следствие классовой структуры производственных отношений. Он утверждал, что концентрация капитала неизбежно порождает антагонизм между классами - антагонизм, который, по его мнению, составляет движущую силу исторических изменений, включая революционные преобразования.[6]

Эмиль Дюркгейм выдвинул альтернативную перспективу, направив аналитическое внимание не на классовый конфликт, а на нарушение социальной солидарности. Аномия - состояние нормативного вакуума - возникает именно тогда, когда неравенство превышает порог, воспринимаемый обществом как легитимный.[3]

Толкотт Парсонс рассматривал стратификацию как функциональный механизм, однако признавал, что дисфункциональное неравенство подрывает системную интеграцию. Это разграничение между функциональным и дисфункциональным неравенством имеет принципиальное значение для понимания угроз социальной стабильности.

Питирим Сорокин ввёл понятие «социальной мобильности», продемонстрировав, что блокирование вертикальной мобильности является одним из главных предикторов социальных потрясений. Когда каналы восходящей мобильности оказываются закрытыми, в социальном теле накапливается то, что он называл «революционным потенциалом».[11]

Обратимся теперь к концепции «Малого народа», введённой в научный дискурс Игорем Ростиславовичем Шафаревичем в работе «Русофобия» (написанной в 1982 году, опубликованной в СССР в 1989 году). Шафаревич опирался на идеи французского историка Огюстена Кошена, исследовавшего роль якобинских клубов в подготовке Французской революции.

В своих трудах «Малые республики» (1915) и «Механизм революции» (1925) Кошен показал, что революция не является стихийным процессом. Напротив, она организуется сравнительно небольшой группой лиц, которые выстраивают параллельные социальные структуры и культивируют альтернативную систему ценностей.[4]

Шафаревич экстраполировал этот анализ на российский исторический контекст, описывая «Малый народ» как группу, характеризующуюся следующими признаками:

Она существует внутри «Большого народа», одновременно противопоставляя себя ему;

Она конструирует собственную идентичность через отрицание доминирующей культуры;

Она использует социальные противоречия как инструмент политической мобилизации.

Прежде всего стоит оговориться: «Малый народ» - это не этническая категория, хотя сам термин нередко вводит в заблуждение. Речь идёт о социокультурном феномене, и понять его можно только через совокупность характеристик, а не через происхождение или кровь.

Первая из них - инверсия ценностей. Группа последовательно отвергает то, что «Большой народ» считает нормой: традиции, институты, устоявшиеся практики. Причём это отвержение - не случайность, а способ самоопределения. Идентичность выстраивается через оппозицию, через «мы - не они».

Вторая характеристика - самовосприятие элитарности. Члены группы убеждены, что именно они обладают «истинным знанием», тогда как

остальные - тёмные массы, не способные разглядеть очевидного. Эрик Хоффер в «Истинноверующем» описал ровно эту закономерность применительно к массовым движениям - и она воспроизводится с поразительной точностью.[13]

Третья - инструментализация социального протеста. Группа не создаёт недовольство с нуля. Она находит уже существующее раздражение, обиду, усталость - и направляет их в нужную сторону. Отсюда её особая опасность в обществах с глубоким неравенством: почва уже готова, остаётся только посеять.

Примечательно, что ряд теоретиков - работавших независимо друг от друга и в совершенно разных контекстах - зафиксировали схожие закономерности, описывая деструктивные группы или элиты, которые вполне поддаются осмыслению в рамках концепции «Малого народа».

Вильфредо Парето занимался тем, что сегодня назвали бы динамикой элит. Его теория «циркуляции элит» показала: когда правящая группа вырождается и перекрывает каналы восходящей мобильности, почти автоматически формируется "контрэлита". Она аккумулирует массовое раздражение и в конце концов вытесняет тех, кто утратил легитимность. «Малый народ» - это, по сути, частный случай такого контрэлитного формирования. С одним принципиальным отличием: открытой замены элиты здесь нет. Вместо этого - скрытое паразитирование на уже существующих структурах.[8]

Гаэтано Моска в «Правящем классе» описал механизм, который кажется почти тривиальным, но работает безотказно: организованное меньшинство господствует над неорганизованным большинством. Дело не в численности - дело в сплочённости и координации. Это структурно то же самое, что Шафаревич называет деятельностью «Малого народа»: немногочисленная, но внутренне консолидированная группа навязывает свою волю дезориентированному большинству.

Роберт Михельс сформулировал «железный закон олигархии» - наблюдение, которое поначалу кажется циничным, но при ближайшем рассмотрении оказывается просто точным. Любая организация - партия, профсоюз, общественное движение - со временем концентрирует власть в руках узкого ядра. Демократические декларации при этом сохраняются, но выполняют роль фасада. Именно так, кстати, и работает механизм захвата политических структур «Малым народом»: формально оставаясь в тени, группа фактически определяет повестку.

Чарлз Райт Миллс в «Властвующей элите» зафиксировал то же самое - но уже на американском материале и с эмпирической базой. Власть в США оказалась сосредоточена в руках взаимосвязанных групп: военных командиров, директоров корпораций, политических функционеров. Причём консолидация шла систематически и целенаправленно, в ущерб большинству. Выявленная им структура «переплетённых элит» - это сетевое, а не иерархическое образование. Именно так устроен и «Малый народ».[7]

Пьер Бурдьё добавил к этой картине, пожалуй, самое важное. Его концепции «социального поля», «габитуса» и «символического капитала» объясняют, как господство воспроизводится на уровне культуры - минуя экономику и принуждение. Культурный капитал конвертируется в политическое влияние по каналам, которые практически невидимы. Именно поэтому господство «Малого народа» так трудно распознать: оно легитимируется не силой, а авторитетом - культурным, интеллектуальным, символическим.[1]

Торстейн Веблен в «Теории праздного класса» описал демонстративное потребление как инструмент социального дистанцирования. Праздный класс маркирует своё отличие через демонстративный отказ от производительного труда и показную расточительность. Этот феномен усиливает воспринимаемое неравенство и поддерживает социальное недовольство, составляющее ту питательную почву, на которой деструктивные меньшинства укрепляют своё влияние.

Таким образом, можно заключить, что перечисленные выше учёные — работавшие в рамках различных национальных и теоретических традиций — независимо друг от друга и конвергентно выявили одно и то же явление: существование закрытых, сетевых, внутренне сплочённых групп, систематически извлекающих выгоду из дезорганизации большинства. Концепция «Малого народа» вписывается в эту традицию как самостоятельная, культурно-специфическая артикуляция универсальной проблематики теории элит.

Так же обозначенные выше признаки находят систематическое подтверждение в корпусе исследований, посвящённых природе революций. Данные работы формируют устойчивую аналитическую традицию, в рамках которой социальное неравенство рассматривается как детонатор коллективного действия.

Алексис де Токвиль - французский политический мыслитель - сформулировал в «Старом порядке и революции» фундаментальный парадокс: революционные потрясения происходят не в момент максимального угнетения, но в период относительного улучшения условий жизни. Растущие ожидания, опережающие реальные изменения, порождают острое разочарование. Именно этот разрыв между ожидаемым и достигнутым создаёт взрывоопасную социальную напряжённость. Токвиль зафиксировал данную закономерность на материале Французской революции 1789 года, когда реформы Людовика XVI не устранили, но обострили общественное недовольство.[12]

Джеймс Дэвис - американский социолог - развил токвилевскую интуицию в концепции «J-кривой». Согласно его модели, революции с наибольшей вероятностью следуют за периодом устойчивого роста благосостояния, резко прерванного экономическим ухудшением. Образующийся разрыв между сформировавшимися ожиданиями и реальностью создаёт оптимальные условия для мобилизации. В контексте концепта «Малого народа» данная схема указывает на механизм, посредством

которого антинародные структуры способны канализировать накопленное социальное недовольство в организованное политическое действие.

Теда Скочпол - американский социолог - предложила в «Государствах и социальных революциях» структурную модель революционного процесса. Революция, по её концепции, возникает при одновременном совпадении трёх факторов: государственного кризиса, элитного конфликта и массового восстания. Деятельность «малого народа» поддается идентификации преимущественно с элитным конфликтом в данной трёхкомпонентной схеме. Именно фракционная борьба внутри правящего класса открывает пространство для деструктивных акторов, способных использовать институциональные противоречия.[10]

Эрик Хоффер - американский философ-самоучка - обратился в «Истинноверующем» к психологическому измерению массовых движений. Его центральный тезис: фрустрированные индивиды, лишённые позитивной идентичности и ощущения личной состоятельности, демонстрируют наибольшую восприимчивость к радикальным идеологиям. Такие люди ищут растворения в коллективном движении как компенсацию индивидуальной несостоятельности. Данный механизм описывает логику рекрутирования «Малым народом» социальной базы - прежде всего из числа маргинализированных групп, утративших прежний статус или не обретших нового.[13]

Совокупность рассмотренных теоретических моделей позволяет нам сделать утверждение, что социальное неравенство функционирует как структурный предиктор политической нестабильности. Этот тезис может получить эмпирическое подкрепление в исследовании Эдварда Волфа (2017), которое установило, что в государствах с коэффициентом Джини выше 0,45 вероятность политических кризисов возрастает в 2,3 раза относительно государств с показателем ниже 0,30. Коэффициент Джини измеряет степень имущественного расслоения по шкале от 0 (абсолютное равенство) до 1 (абсолютное неравенство). Высокие значения индикатора сигнализируют не

просто об экономическом дисбалансе - они маркируют среду, в которой деятельность «Малого народа» по мобилизации недовольства обретает наиболее благоприятные структурные условия.

От чего механизмы этой связи становятся многоуровневыми.

Первый уровень - экономический. Концентрация ресурсов в руках элиты снижает совокупный спрос. Это подавляет экономический рост. Снижение роста усиливает конкуренцию за ресурсы. Конкуренция обостряет социальные противоречия.

Второй уровень - политический. Богатые элиты используют политическое влияние для защиты своих позиций. Это блокирует перераспределительные механизмы. Блокирование воспринимается как институциональная несправедливость. Восприятие несправедливости легитимирует радикальные альтернативы.

Третий уровень - культурный. Поляризация доходов, как правило, влечёт за собой и культурную поляризацию. Элиты и низшие страты постепенно формируют принципиально разные системы ценностей, нормы и повседневные практики. Это, в свою очередь, подрывает социальную солидарность и создаёт почву для глубокого ценностного противостояния.

Здесь важно зафиксировать принципиальный момент: «Малый народ» не выступает первопричиной социального неравенства. Его роль иная - он является катализатором и бенефициаром уже существующих противоречий. Механизм этого взаимодействия достаточно чёткий.

Высокое неравенство порождает массовое недовольство. Само по себе это недовольство диффузно - оно существует, но лишено конкретной направленности. И вот здесь «Малый народ» предоставляет ему идеологическое оформление: указывает на врага, которым, как правило, оказываются традиционные институты и устоявшиеся культурные нормы.

Этот процесс в социологии описывается как «фреймирование» - концепция, разработанная Эрвингом Гоффманом. Суть её в том, что группа,

контролирующая интерпретацию социальной реальности, получает решающее политическое преимущество перед остальными.

Захватив власть, «Малый народ», однако, не устраняет неравенства. Напротив - он выстраивает новую иерархию, в которой место традиционных критериев статуса занимает культурная лояльность. Это порождает новый тип неравенства. Более непрозрачный. И именно поэтому - более опасный.

Из чего создается угроза среднему классу, так как средний класс традиционно рассматривается как социальный буфер. Аристотель в «Политике» утверждал: наилучшее государственное устройство обеспечивается там, где средний элемент преобладает над крайними. Современные исследования подтверждают эту интуицию.

Высокое неравенство сжимает средний класс с двух сторон. Снизу давит рост бедности. Сверху - концентрация богатства в руках узкой группы. Результат - «выдавливание» среднего класса, ведущее к биполяризации общества.

Теперь в условиях биполяризации «Малый народ» получает максимальные возможности для манипуляции. Фрустрированный средний класс становится питательной средой для радикальных идеологий. Это подтверждается историческими примерами такими как Веймарская Германия и революционная Россия.

С точки зрения истории лучше всего это показано в работах Кошена. Он показал, что якобинские клубы представляли собой сеть «Малых народов», координировавших свои действия. Они не создали социального неравенства Ancien Régime, но использовали его. Результатом стала не ликвидация неравенства, но смена элит с сохранением - и временным усилением - социальной нестабильности.[4]

Питирим Сорокин же, который был непосредственным свидетелем событий, хорошо описал в своих работах революцию 1917 года как результат совпадения нескольких факторов: блокирования социальной мобильности, военного истощения и деятельности организованных политических групп.

Последние использовали накопленное недовольство для захвата власти, не имея легитимной поддержки большинства населения.[11]

Коэффициент Джини в России 1913 года оценивается историками в 0,36–0,38 - высокий, но не экстремальный показатель. Это подтверждает тезис Токвиля: не абсолютный уровень неравенства, но его динамика и восприятие определяют революционный потенциал.

В современности так же актуальность темы не снижается. Глобальный индекс неравенства (World Inequality Report, 2022) фиксирует: после кратковременного сокращения в середине XX века неравенство вновь достигло уровней, сопоставимых с началом XX века. При этом информационные технологии создали новые инструменты для «фреймирования» социальной реальности.

Концепция «Малого народа» обретает новое измерение в эпоху социальных медиа. Сегодня малочисленные, однако высокоорганизованные группы обладают способностью формировать повестку дня для миллионов, что качественно усиливает их потенциальное влияние на политические процессы.

Здесь стоит обратить внимание на фундаментальное исследование Роберта Патнэма «Bowling Alone». Патнэм убедительно показывает: когда гражданское доверие и участие людей в общественной жизни деградируют, неравенство неизбежно усиливается. И это, кстати, создаёт весьма благоприятную среду для всевозможных групп, которые предлагают людям суррогатное чувство принадлежности - взамен утраченных реальных связей.[9]

Если смотреть на проблему через эту оптику, социальное неравенство и концепция «Малого народа» оказываются не просто параллельными явлениями, а взаимно усиливающими друг друга. Неравенство порождает вполне конкретные структурные последствия: нарастающую фрустрацию, подрыв доверия к институтам, поляризацию общества. «Малый народ», в свою

очередь, умело эксплуатирует именно эти условия - перенаправляя накопившееся недовольство в деструктивное русло.

Отсюда вытекает неудобный, но важный вывод: бороться с каждым из этих факторов по отдельности - значит заниматься полумерами. Снизить неравенство, не нейтрализовав деструктивные элитарные группировки? Стабильности это не обеспечит. Подавить «Малый народ», оставив нетронутыми глубинные социальные разломы? Кризис просто отложится - но не исчезнет.

Честно говоря, единственный реалистичный выход здесь - комплексная стратегия. Она должна включать перераспределительные механизмы, реальную защиту среднего класса и целенаправленное восстановление социального капитала. Причём последнее неотделимо от вопросов культурной преемственности. Системный подход в данном случае - не академическое пожелание, а необходимое условие долгосрочной устойчивости общества.

Список литературы

1. Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё. — М.: Экономическая социология, 2004. — Т. 5, № 3.
2. Вебер, М. Хозяйство и общество / М. Вебер. — М.: Издательство ВШЭ, 2016. — 456 с.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М.: Канон, 1996. — 432 с.
4. Кошен, О. Малые республики. Механизм революции / О. Кошен. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 288 с.
5. Кожин, В. В. Россия. Век XX / В. В. Кожин. — М.: Алгоритм, 1999. — 560 с.
6. Маркс, К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс. — М.: Политиздат, 1983. — 905 с.
7. Миллс, Ч. Р. Властвующая элита / Ч. Р. Миллс. — М.: Иностранная литература, 1959. — 543 с.
8. Парето, В. Трансформация демократии / В. Парето. — М.: Территория будущего, 2011. — 208 с.

9. Патнэм, Р. Боулинг в одиночку / Р. Патнэм. — М.: Логос, 2011. — 864 с.
10. Скочпол, Т. Государства и социальные революции / Т. Скочпол. — М.: Издательство Института Гайдара, 2017. — 552 с.
11. Сорокин, П. А. Социология революции / П. А. Сорокин. — М.: Территория будущего, 2005. — 368 с.
12. Токвиль, А. де. Старый порядок и революция / А. де Токвиль. — М.: Московский философский фонд, 1997. — 252 с.
13. Хоффер, Э. Истинноверующий / Э. Хоффер. — Минск: ЕГУ, 2001. — 200 с.
14. Шафаревич, И. Р. Русофобия / И. Р. Шафаревич. — М.: Эксмо, 2005. — 288 с.
15. Oxfam International. Survival of the Richest / Oxfam International. — Oxford: Oxfam GB, 2023. — 48 p.
16. World Inequality Report 2022 / Ed. by L. Chancel et al. — Cambridge: Harvard University Press, 2022. — 236 p.

Список литературы

1. Бурдьё, П. Различение: социальная критика суждения / П. Бурдьё. — М.: Экономическая социология, 2004. — Т. 5, № 3.
2. Вебер, М. Хозяйство и общество / М. Вебер. — М.: Издательство ВШЭ, 2016. — 456 с.
3. Дюркгейм, Э. О разделении общественного труда / Э. Дюркгейм. — М.: Канон, 1996. — 432 с.
4. Кошен, О. Малые республики. Механизм революции / О. Кошен. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 288 с.
5. Кожин, В. В. Россия. Век XX / В. В. Кожин. — М.: Алгоритм, 1999. — 560 с.
6. Маркс, К. Капитал. Т. 1 / К. Маркс. — М.: Политиздат, 1983. — 905 с.
7. Миллс, Ч. Р. Властвующая элита / Ч. Р. Миллс. — М.: Иностранная литература, 1959. — 543 с.

8. Парето, В. Трансформация демократии / В. Парето. — М.: Территория будущего, 2011. — 208 с.
9. Патнэм, Р. Боулинг в одиночку / Р. Патнэм. — М.: Логос, 2011. — 864 с.
10. Скочпол, Т. Государства и социальные революции / Т. Скочпол. — М.: Издательство Института Гайдара, 2017. — 552 с.
11. Сорокин, П. А. Социология революции / П. А. Сорокин. — М.: Территория будущего, 2005. — 368 с.
12. Токвиль, А. де. Старый порядок и революция / А. де Токвиль. — М.: Московский философский фонд, 1997. — 252 с.
13. Хоффер, Э. Истинноверующий / Э. Хоффер. — Минск: ЕГУ, 2001. — 200 с.
14. Шафаревич, И. Р. Русофобия / И. Р. Шафаревич. — М.: Эксмо, 2005. — 288 с.
15. Oxfam International. Survival of the Richest / Oxfam International. — Oxford: Oxfam GB, 2023. — 48 p.
16. World Inequality Report 2022 / Ed. by L. Chancel et al. — Cambridge: Harvard University Press, 2022. — 236 p.